

УДК 130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.184

ПОСТИЖЕНИЕ СМЕРТИ В КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЭРНЕСТА БЕККЕРА

И.С. Шаповалов

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж

Рассматривается проблематика понимания смерти в культурной антропологии Эрнеста Беккера. Анализируются исторические предпосылки и особенности его творчества. Показано, что вся существующая культура действует как фабрика по отрицанию смерти и биологической тварности человека. Установлено, что в условиях падения веры в Бога и строительства земного Рая человек может спасти себя от ужаса смерти в стремлении к божественности, трансгрессии и созданию индивидуального проекта бессмертия в творчестве.

Ключевые слова: *танатология, отрицание смерти, стремление к героизму, проекты бессмертия, творчество.*

Первая половина XX в. прошла под знаком вечных катастроф и смерти: создание и развитие тоталитарных диктатур, две мировые войны, чума нацизма и Холокост. Эти события создали чудовищную мясорубку, в которой были уничтожены миллионы человеческих жизней. В это время насилие, смерть и убийства были буквально вездесущими, что вызвало разочарование в религиях и политических идеологиях (концепт «смерти Бога» Ницше сделался общей для всех реальностью) и стало началом для формирования общества потребления.

В 1950-е гг. можно наблюдать по всему миру (в послевоенной Европе, США и Советском союзе) стремление людей к созданию общества, в котором главным является материальный комфорт, производство товаров и услуг, которые смогли бы спасти от пребывания в катастрофическом мире и отвлечь от травм токсичных идеологий и новой ядерной угрозы. Выжившее человечество попыталось создать Рай на Земле. Как отмечают многие европейские историки, «экономический рост, продолжавшийся в течение тридцати лет после окончания Второй мировой войны, в той или иной мере обогатил все категории общества. Новая триада – “приличное жилье”, автомобиль (пусть “скромный”), телевизор – вкуче с социальным страхованием и эффективными обезболивающими сделала жизнь на Земле если не райской, то по крайней мере довольно сносной. Сегодня одержимость новой триадой позволяет проектировать мечты на более или менее обозримое будущее. Общество потребления вырвало с корнем эсхатологию, при этом не придав своей жизни смысла» [2, с. 390–391].

Общество потребления – это уникальная социальная система, в которой все внимание уделяется потреблению товаров и услуг как основному способу удовлетворения потребностей человека. В таком социуме главный модус бытия людей сводится к приобретению различных материальных благ, а реклама, маркетинг и массовое производство становятся основными инструментами для стимулирования спроса на товары и услуги. Это общество характеризуется очень высоким уровнем потребления природных ресурсов, индивидуализацией всех потребностей и зависимостью от материальных благ цивилизации. Происходит отказ от биологической реальности, начинает доминировать искусственный мир симулякров. Так пишет об этом французский философ Жан Бодрийяр: «мы живем, таким образом, под покровом знаков и в отказе от действительности. Чудесная безопасность: когда мы смотрим на образы мира, кто отличит это краткое вторжение действительности от глубокого удовольствия не быть в ней? Образ, знак, послание, все то, что мы “потребляем” – это наше особое душевное спокойствие, подкрепленное дистанцией от мира, которое даже сильный намек на действительность скорее убаюкивает, чем нарушает» [3, с. 24–25].

Темной стороной общества всеобщего изобилия стало отрицание смерти и замораживание самой экзистенции человека (растворение в гедонистическом «сейчас»). Люди в этой социальной системе часто пытаются избегать мыслей и разговоров о смерти, т. к. сосредотачиваются на жизни, которая сводится к процессу бесконечного поглощения природного мира. Также в новом обществе потребления смерть трансформируется в коммерческий продукт и становится частью бизнеса. Ритуалы похорон, услуги по уходу за усопшими и организация похоронных церемоний становятся частью экономической индустрии. Это новое всеобщее отрицание экзистенциальной сути смерти и обнаруживает философия Бодрийяра: «о мертвых говорят все меньше и меньше, все более кратко, все чаще вовсе умалчивают – смерть лишается уважения. Умиравший теряет свои права, включая право знать, что он умирает. Смерть непристойна и неудобна; таким же становится и траур – считается хорошим тоном его скрывать, ведь это может оскорбить других людей в их благополучии. Крайним проявлением этой скрытой ликвидации является кремирование, дающее минимальный остаток. Смерть больше не вызывает головокружение, она упразднена. И огромная по масштабам коммерция вокруг смерти – больше не признак благополучия, а именно знак упразднения, потребления смерти» [4, с. 416].

Вытеснение смерти и подавление природной реальности стало важным стимулом для запуска танатологических исследований. С 1950-х гг. многие ученые пытаются понять, что есть смерть и как она воспринимается в различных культурах и в современном постиндустриальном обществе. Возникает целая плеяда исследователей, которые изучают различные аспекты смерти и умирания: Джеффри Горер, Элизабет Кюблер Росс, Филипп Арьес, Жан Бодрийяр. Этой идеи придерживаются и современные танато-

логи, полагая, что «дистанцирование общества от смерти, обусловленное во многом драматическими событиями XX века (прежде всего двумя мировыми войнами), определило большой научный интерес к ней в 50–60-х годах. Можно сказать, что именно в этот период возникает современная танатология как междисциплинарное исследовательское поле, в разработку которого внесли важный вклад философы, теологи, этнологи, психологи, социологи, историки, биологи, медики, социальные работники и др.» [7, с. 1046].

Таким образом, можно утверждать, что со второй половины XX в. в академическом дискурсе можно наблюдать «танатологический Ренессанс» – сильное стремление к постижению восприятия смерти в различных культурах и философских дискурсах на фоне гедонизма общества потребления. Многие мыслители осуществляли поворот к смерти для того, чтобы выявить причины современного вытеснения и забвения смерти и оценить важность размышлений и переживаний о конечности всего существующего для жизни человека и социума в целом.

Фундаментом танатологических открытий второй половины XX в. стали философские идеи американского культурного антрополога Эрнеста Беккера. Его работы стали основой для постижения смерти и экзистенциальной драматургии человеческого бытия и вдохновили многих историков и философов исследовать предельные тайны человеческого бытия: в чем смысл жизни, если она обречена?

Древнегреческий философ Эпикур однажды написал, что «самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» [5, с. 403]. Но действительно ли смерть не имеет к нам никакого отношения, как считал Эпикур? Или смерть, наоборот, отбрасывает такую длинную и темную тень, что живые люди не могут ее игнорировать. Эрнест Беккер считал, что смерть на самом деле постоянно с нами. Он писал в своей культовой книге, получившей Пулитцеровскую премию, «Отрицание смерти»: «идея смерти, ее страх, преследует человеческий род как ничто другое. Это главная движущая сила жизнедеятельности человека» [1, с. 9].

Главные идеи Эрнеста Беккера складываются из двух частей:

1. Страх смерти и то, как он влияет на ощущение реальности человека.

2. Как страх смерти детерминирует поведение человека и порождает то, что Беккер называет «вечной тягой к героизму».

Как и многие другие философы и социологи, Эрнест Беккер полагал, что уникальная способность к абстрактному концептуальному мышлению (создание и модификация воображаемых миров), которое позволяет думать об объектах и событиях, далеких от текущего момента, отвечает за превращение *Homo sapiens* в самый адаптируемый и продвинутый вид, когда-либо существовавший на Земле. Но Беккер пошел еще дальше и заявил, что такая способность превращает человека в подобие Бога: «он ра-

зумный создатель, стремящийся рассуждать об атомах и бесконечности, который может мысленно поместить себя в любую точку пространства и ошеломленно созерцать свою собственную планету. Эта беспредельная экспансия, эта особая сноровка, эта эфирность, это самосознание придают человеку буквально статус маленького бога в природе, как полагали мыслители эпохи Возрождения» [1, с. 52–53].

Однако эта способность к абстрактному мышлению также несет в себе и страшное проклятие для человека. Как и все живые существа, человек в будущем обречен. Однако люди, насколько нам это известно, единственные существа в мире, которые могут осознавать неотвратимое небытие, которое их ждет. И следовательно, только они понимают, что однажды умрут. Так об этом писал сам Беккер: «что значит быть самоосознанным животным? Эта идея нелепа, если не чудовищна. Это значит осознавать, что ты – пища для червей. Это ужасает: быть рожденным из ничего, иметь имя, осознание самого себя, глубокие внутренние чувства, мучительную внутреннюю тягу к жизни и самовыражению – и со всем этим быть обреченным на смерть. Это похоже на розыгрыш, именно поэтому один из типов культурного человека открыто восстает против идеи Бога. Какое божество создало бы такую сложную и причудливую пищу для червей? Циничные божества, говорили греки, которые упиваются муками человека для собственного развлечения» [1, с. 135–136].

Эрнест Беккер считал, что если бы человек понял всю важность и ужас надвигающейся смерти, то он был бы парализован чувством тревоги. Поэтому он полагал, что для того, чтобы иметь возможность что-то делать, люди вечно отвлекают себя от страха смерти. Они пытаются бежать от фатальности смерти. Пытаются побороть ее, отрицая, что она ждет нас всех впереди. Для того чтобы подавить свой страх смерти, человек и создает культуру. Беккер пишет об этом: «культура противостоит природе и превосходит ее. Культура в своих самых сокровенных намерениях – это героическое отрицание тварности» [1, с. 229].

Культура, с точки зрения Беккера, – это совокупность символических форм, это способность генерировать и моделировать воображаемые миры, которые служат фоном, на котором проявляется врожденная потребность человека в героизме. Через героизм каждый человек получает возможность отрицать смерть и детерминацию со стороны природы. Героизм позволяет превзойти время и быстротечность жизни. Главный модус бытия в культуре, героизм – это сильное стремление человека к обретению космической уникальности и осмысленной жизни. Его основой является нарциссизм, потребность ребенка в признании его исключительности, стремление к тому, чтобы быть выдающимся.

Любое общество, по Беккеру, устроено как особая религия (даже если оно официально провозглашает себя светским), основанная на самопревосхождении и героизме. Искусство, религия и наука позволяют чело-

веку отрицать смерть, биологическую реальность и чувствовать себя бессмертным богом.

Беккер считал, что с упадком популярности организованных религий, большая часть которых утверждает существование потусторонней жизни, люди начинают бороться со своим страхом смерти через культурное бессмертие: пытаясь прожить такую жизнь, которая повлияет на ход событий даже после ее окончания. Логика здесь такая: если твое культурное и социальное наследие живет, тогда смерть – это не конец, т. к. твое влияние продолжается даже после гибели физической оболочки и похорон. Чего человек действительно боится, так это не столько полностью исчезнуть, сколько перестать быть для всех значимым.

Тот факт, что каждому человеку требуется создать осмысленное наследие в качестве лекарства от страха смерти, представляет огромную проблему. По мнению Беккера, проблема заключается в том, что люди – это особые существа, чья жизнь в общем смысле ни на что не влияет. Она не важнее, чем жизнь червя или грызуна. Беккер заявляет, что эта проблема ставит человека в очень жуткую ситуацию. Люди – это тварные создания, которые только и хотят отрицать свою тварность и верить в то, что в общем замысле они намного важнее других животных и что они способны достичь божественной значимости на Земле. Как пишет по этому поводу сам Беккер, «тварность ужасает. Признайте однажды, что вы – всего лишь испражняющееся создание, и первобытный океан животного беспокойства грозит захлестнуть вас целиком. Но это больше, чем животное беспокойство, это также человеческое беспокойство, беспокойство, которое возникает в результате человеческого парадокса: человек – это животное, которое осознаёт свои животные ограничения. Что значит быть самоосознанным животным? Эта идея нелепа, если не чудовищна. Это значит осознавать, что ты – пища для червей» [1, с. 135]. Так как Беккер считал, что тварность ужасна, он уверял, что люди формируют свое восприятие реальности так, чтобы думать о том, что они важны для вселенной и не являются бессмысленными тварями.

Как утверждает Беккер, человек с точки зрения природной детерминации – это питающееся и размножающееся животное, которое пытается скрыть свою тварность и как-то оправдать свое пребывание на Земле, используя концепты Бога, любви или науки. Людям не нравится видеть реальность такой, какая она есть, так как на самом деле она очень скучна и ужасна. Особенно это заметно в XXI в., в эпоху гуманистической революции, когда человечество объявило смерти войну и превратило телесность в управляемый конструкт. Историк Юваль Ной Харари так пишет об этом: «декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН после Второй мировой войны, категорически утверждает, что право на жизнь есть самая главная из ценностей человечества. Поскольку смерть явно нарушает это право, значит, она – преступление против человечества, и мы должны объявить ей тотальную войну» [9, с. 30]. Таким образом, человек

мечтает положить смерти конец и полностью подчинить своей власти всю окружающую действительность (это можно назвать комплексом Бога, стремлением разрушить свои ограничения и стать великим Творцом).

Онтология Эрнеста Беккера исходит из того, что у вселенной есть три основных свойства, которые делают всех людей чрезвычайно восприимчивыми к своей тварности и, следовательно, незначительными.

Во-первых, вселенная – это очень ужасное место, которое с абсолютным безразличием насыщает бесконечные страдания и трагедии на все человечество. Артур Шопенгауэр заметил это свойство бытия и заявил, что если всегда быть честными относительно природы окружающей реальности, то людям придется жить с пониманием того, что трагедия может настигнуть их в любой момент. Сам Беккер пишет: «как любое живое существо, человек чувствует, на какую планету попал – кошмарный, демонический, безумный мир, в природе которого есть миллиарды развязных индивидуальных организменных желаний разного рода – и это все не считая землетрясений, метеоритов и ураганов, у которых есть свои адские желания. Любая вещь, имея целью значительно расширяться, всегда пожирает остальных» [1, с. 90]. Беккер замечает: «Сильвия Плат где-то назвала Бога “Королем Паники”. И Паника – король гротеска. Что мы должны ожидать от мироздания, в котором обычная деятельность состоит в том, чтобы организмы рвали друг друга на части любым возможным способом – кусая, разрывая плоть клыками, размалывая кости, с жадностью толкая мякоть дальше по пищеводу, соединяя ее сущность со своей собственной, а потом испражняя остатки со зловонием и газами. Каждый рьяно стремится поглотить других, являющихся для него съедобными. Мироздание – это очень кошмарное зрелище, происходящее на планете, которое на протяжении сотен миллионов лет была пропитана кровью всех его созданий» [1, с. 391].

Во-вторых, вселенная – это поистине великолепное и удивительное место. Беккер думал, что люди часто пытаются минимизировать и подавить понимание чудесности всего существующего, так как это напоминает им о их случайности и незначительности. Чтобы выжить, человеку приходится пойти на сенсорную ампутацию – ограничить свое восприятие и перестать видеть во всем бытии чудо. Как пишет об этом сам Беккер, «мир как он есть, созданный из пустоты, вещи как они есть и какими они не являются – все это для нас слишком, чтобы мы могли это выдержать. Или лучше сказать так: мы бы не смогли столько выдержать, не упав в обморок, трясясь как сухой лист на ветру и, словно в трансе, не реагируя на движение, цвета и запахи окружающего мира. Мы заблокировали чуду доступ к своему сознанию, изменили его, и больше не воспринимаем мир таким, каким он воспринимается через естественный опыт» [1, с. 85].

В-третьих, вселенная загадочна и непостижима. Все люди, по мнению Беккера, не способны постичь истину окружающего мира за те мгновения бытия, которые им отведены. Каждый человек погибает в забвении

относительно всех главных тайн мироздания: в чем смысл всего существующего на Земле и в чем предназначение жизни во вселенной? Ответы на эти вопросы так и не найдены.

Согласно Беккеру, люди искажают ужасность, удивительность и великую загадочность вселенной для того, чтобы обмануть самих себя и заставить себя поверить в то, что их жизни имеют высший смысл и ценность. Вместо того чтобы в полной мере пережить жуткие свойства вселенной, которые принижают людей и их жалкие проблемы, люди концентрируют свое внимание на очень и очень узкой части мира: материальные блага, социальный статус, любовь или потомство. Они живут так, как будто эти вещи имеют вселенское значение или хотя бы важны в контексте развития человеческой истории. Человек полностью погружается в свой особый мир и притворяется, что все смыслы и чудеса всей вселенной сводятся к нему. Искусственно раздувая значимость своего духовного проекта, человек может отгородиться от своей онтологической уязвимости и незначительности, сбежать от своего страха смерти и верить в то, что его жизнь имеет высший смысл, а все его действия очень важны и отразятся на будущем всего человечества. Создавая свой мыльный пузырь под названием «культура» и «семья», человек надеется обрести великий статус божественности и спасти себя от небытия. Однако при этом забывается, что «смерть показывает нам то, что кроется в живущих. Отгораживаясь от процессов, происходящих с человеком после момента смерти, мы отказываем себе в более глубоком понимании того, какие мы есть на самом деле» [6, с. 310].

Страх смерти рождает то, что Беккер называет стремлением к героизму. Он называет попытку отрицания своей тварности и желание придать своей жизни абсолютную значимость влечением к героизму. Для Беккера героизм – это в первую очередь реакция на ужас перед небытием и смертью.

Итак, Беккер полагает, что героизм – это отрицание смерти, человеческой конечности и биологических ограничений. Но зачем это нужно человеку? Как отмечает Беккер, человек – это экзистенциальное противоречие, раскол. В нем есть дух, который стремится к вечности, трансцендентному и обладает особым самосознанием, и есть тело, которое привязано к природе и обречено на гибель. Человек – это единственное существо в мире, которое осознает и переживает смерть: это его дар и проклятие. Очень ярко пишет об этом сам Беккер: «человек – всего лишь червь и пища для червей. Это парадокс: он вне природы и всё же безнадежно в ней; он двойственный, в вышине среди звезд и всё же заключенный в качающемся кривом, ловащем воздух теле, которое когда-то принадлежало рыбе и до сих пор имеет доказывающие это признаки жабр. Его тело – это материальная плотская оболочка, чуждая ему во многих отношениях – самым странным и отвратительным из этого является то, что оно болит, кровоточит, разлагается и умирает. Человек буквально расколот надвое: он осознает свою собственную выдающуюся уникальность в том, что он величаво возвышается над природой, и всё же

он возвращается в землю на глубину нескольких футов, чтобы затем слепо и тупо сгнить, и исчезнуть навсегда. Это ужасающая дилемма, в которой и с которой приходится жить. Низшие животные, конечно, избавлены от этого болезненного противоречия, поскольку им не хватает символической идентичности и сопутствующего ей самосознания. Они живут в мире без времени, как бы пульсируя в состоянии немого бытия. Знание смерти рефлексивно и концептуально, и животные избавлены от него. Они живут так же бездумно, как и исчезают: несколько минут страха, несколько секунд мучений, и всё кончено. Но проживать целую жизнь с осознанием собственной смертности, преследующей даже во снах и даже в самые солнечные дни – это совсем другое» [1, с. 53].

Человек расщепляет реальность на две формы бытия: символическую и материальную, биологическую действительность. Символический мир создается для сокрытия материальной телесности. Великие здания, история, культура и памятники, а также всё, что делает человек, – это способ обрести свою великую космическую значимость, сохранить себя для вечности и убежать от смерти.

Некоторые люди удовлетворяют свое стремление к героизму в достижении славы, богатства или совершая великие подвиги. Однако Беккер понимает, что такой путь не для большинства людей. Массы идут к героизму в упрощенном виде: они наделяют значимостью и смыслом всю свою повседневную жизнь. Они могут переживать героизм благодаря работе, любви, семье или же преданности политической партии. Суть везде одна: человек должен убедить себя в том, что его действия имеют смысл и выльются во что-то очень значимое, что будет существовать и после его смерти. Это стремление к вечности мы можем найти у каждого человека на Земле. Мы постоянно пытаемся забыть тот факт, что «для каждого из нас наступит день, когда с будущим будет покончено» [8, с. 103].

Культура через стремление к героизму порождает проекты бессмертия: религиозные и философские системы, которые отрицают телесную тварность человека и открывают ему доступ к вечности. Это позволяет человеку побороть страх смерти, жить дальше и чувствовать себя в безопасности.

Однако у каждой культуры есть свой собственный проект бессмертия и установления идеального мира на Земле. Все конфликты между различными цивилизациями можно рассматривать как битвы за установление единой для всех идеи вечной жизни и Рая. То есть человечество вступает в бесконечные войны не из-а врожденной агрессии или ради ресурсов, а из-за стремления к героизму, желанию установить лучший для всех мир. Именно стремлением к созданию Рая на Земле приверженцы великих идеологий (мировая либеральная демократия, коммунизм или вечный рейх) оправдывали свои убийства, насилие и геноцид и порождали абсолютное зло в этом мире.

Из-за ужасов войн XX в., которые были порождены великими идеологиями, Беккер предупреждает, что коллективные проекты бессмертия (например, наука или религия) сегодня обречены. Без защиты культуры и религии человек начинает понимать, что его значимость никак не превышает ценность всех других живых существ на планете, а следовательно, с точки зрения Беккера, она нулевая. Но люди не могут жить с осознанием того, что попытка стать героем обречена, а всё их бытие – это гонка за иллюзиями.

Что же поможет современному человеку побеждать его страх смерти, если наша вера в великие религии и идеологии сегодня подорвана? Сам Эрнест Беккер считал, что человек должен наконец-то признать свою тварность и конечность всего существующего. Человек должен наполнить себя отсутствием, пустотой и стремиться к божественности (которая заключается в акте творчества и вечного самопревосхождения) для того, чтобы воспринимать природу как чудо и жить полноценной жизнью, радуясь каждому мгновению. Как указывает нам Беккер, «человек должен иметь мужество быть собой, для того чтобы стоять на ногах и противостоять вечным противоречиям нашего реального мира. Смелая цель для такого мужества – впитать в себя максимальное количество небытия. Таким образом, его повседневная жизнь становится действительно долгом космических масштабов, а его мужество противостоять тревоге бессмысленности становится настоящим космическим героизмом» [1, с. 386]. Итак, по мысли самого Беккера, человек в современном мире может спастись от страха смерти при условии падения старых метанарративов, в стремлении к божественности через создание индивидуального проекта бессмертия в творчестве и трансгрессии.

Почему от страха смерти человека может спасти творчество, и что такое творчество?

Творчество – это уникальный модус существования, в котором человек с помощью силы своего воображения, абстрактного мышления и интуитивного озарения может создавать нечто новое, что позволяет познавать и изменять мир и самого себя. Творчество – это деятельность, ведущая к созданию новых миров и к разрушению старых систем. Это личный режим бытия, в котором человек выходит за рамки биологической детерминации (отход от природной цепочки: питание – размножение – выживание) и открывает самого себя как полностью самостоятельное существо, независимое и абсолютно свободное. Творчество как продуктивная, а не репродуктивная деятельность, выступает компенсацией за биологическое, пустое и потребительское – животное существование. Через акт творчества человек может не только что-то забирать у мира, истощая и убивая его, но и отдавать ему взамен нечто новое, служа бесконечным источником обновления и вечного возвращения жизни. Таким образом, мы рассматриваем творчество как компенсацию биологического, животного, телесного и смертного режима бытия.

В качестве катализатора творчества могут выступать различные мощные чувства и эмоции, например, страх, ужас и гнев. Человека может толкнуть к творческой деятельности одиночество, желание заполнить свою внутреннюю пустоту или стремление создать новый мир из-за переизбытка собственных жизненных сил.

Мы полагаем, что одним из самых ярких и мощных катализаторов или стимуляторов творческой деятельности выступает переживание, осознание и проживание реальности смерти. Понимание факта фатальной конечности всего существующего толкает человека к особой творческой деятельности, к желанию победить смерть в акте сотворения чего-то нового. Майкл Шермер об этом пишет: «мы творим и изобретаем, строим и конструируем, пишем и поем, выходим на театральные подмостки и спортивные арены для того, чтобы заглушить ужас осознания собственной смертности. Цивилизация есть продукт не амбиций, а страха» [10, с. 24].

Творчество позволяет протерапевтировать наш страх смерти, создавая своеобразную форму бессмертия через творение новых философских трактатов, научных исследований, шедевров архитектуры, живописи и художественных произведений. Переживание ужаса смерти открывает перед каждым человеком вселенную смерти как процесс всеобщей аннигиляции всего существующего. Это открытие смерти личностью может вызвать в человеке бесконечное стремление творить, создавать нечто новое. В данном случае творчество будет восприниматься субъектом как выход за пределы биологической заданности, стремление обрести вечную жизнь в своем произведении и победить страх смерти.

Список литературы

1. Беккер Э. Отрицание смерти. М.: АСТ, 2023. 416 с.
2. Боди-Жандро С., Лего Р., Орфали К. История частной жизни. / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М.: Новое литературное обозрение, 2023 г. Т. 5. От I Мировой войны до конца XX века. 688 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: АСТ, 2022. 320 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Рипол классик, 2021. 512 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1998. 572 с.
6. Кэмбел Х. О дивный тленный мир. Когда смерть – дело жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 352 с.
7. Малышева С.Ю. Проблематика смерти в социально-гуманитарных исследованиях второй половины XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, № 4. С. 1043–1053.
8. Филатов В. Этика Небытия. Жизнь без смысла: самая печальная философия. М.: Издательские решения, 2019. 196 с.
9. Харари Ю. Homo Deus: Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2019. 496 с.

10. Шермер М. Небеса на Земле. Научный взгляд на загробную жизнь, бессмертие и утопии. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 396 с.

COMPREHENSION OF DEATH IN ERNEST BECKER'S CULTURAL ANTHROPOLOGY

I.S. Shapovalov

Voronezh State University, Voronezh

The article explores the understanding of death in the cultural anthropology of Ernest Becker. It analyzes historical background and features of his work, revealing that existing culture functions as a factory of denial for death and the biological animality of humans. The study establishes that, amidst declining faith in God and the pursuit of an earthly paradise, individuals can overcome the terror of death by striving for divinity, transgression, and the creation of a personal immortality project through creativity.

Keywords: *thanatology, denial of death, pursuit of heroism, immortality projects, creativity.*

Об авторе:

ШАПОВАЛОВ Игорь Сергеевич – аспирант кафедры истории философии и культуры, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж. E-mail: igor14032@yandex.ru

Author information:

SHAPOVALOV Igor Sergeevich – PhD student of the History of Philosophy and Culture Department, Voronezh State University, Voronezh. E-mail: igor14032@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 28.02.2024.